

с сожалением выключила душ и отодвинула стенку кабинки. Некогда намываться, меня работа ждет. То есть она-то меня, конечно, не ждет, ждет начальник, и уже готовится устроить нагоняй, потому что я обещала ему оставить отчет на столе, но не оставила. Не успела закончить. И хотела сегодня прийти пораньше, но опять-таки не получится, только-только успеваю.

Я завернулась в полотенце и хватилась фена для волос, которого не было в шкафчике. Вот куда он мог подеваться, хотелось бы знать?.. Странно, в этой квартире я живу одна, а вещи куда-то все время перемещаются. Может, он в комнате?

И тут я услышала стук в дверь.

Вот именно, не звонок, а стук. Дело в том, что дверной звонок работает, если звонят в наружную дверь, ту, которой мы отгородили четыре квартиры на площадке. А мы, хозяева этих квартир, общаемся между собой посредством стука.

Так даже лучше, сразу знаешь, что за дверью свои...

Правда, «свои» — понятие растяжимое, поскольку тесно общаюсь я только с Антониной из

трехкомнатной. Опять-таки, если быть до конца точной, это она со мной общается. Дальше, в двухкомнатной, живет жуткая зараза Софья Андреевна (о ней позже), а однокомнатную ее хозяйин Гена сдает время от времени, когда в очередной раз женится.

И с утра пораньше стучать может только Антонина — либо у нее кофе закончился, либо сигаретку стрельнуть, либо просто поболтать. Мне-то болтать некогда, но она не отстанет.

— Тонь, ты? — Я распахнула дверь и растерялась, потому что вместо Антонины стояла передо мной посторонняя женщина в халате, и голова замотана полотенцем.

— Простите, — заговорила она и улыбнулась растерянно и даже немного виновато, — простите, пожалуйста, у вас, случайно, нет крота?

— Крота? — Я вылупила глаза и шагнула назад. — Нет у меня никакого крота, и мышей тоже нету, ни белых, ни серых...

— Ой, что это я! — Она засмеялась. — Бога ради извините, я живу тут по соседству... — она мотнула головой в сторону Генкиной квартиры, — стала мыться, а там такой засор... боюсь, что протечет к соседям снизу...

— А, вы об этом... — я раскрыла дверь пошире, — вам состав нужен, который всякую дрянь в трубах растворяет. Нет, его у меня нет, зато... — что-то мелькнуло в мозгу, — зато у меня есть такая штука... если ей вот так пожамкать, то вода может уйти. Хотя бы на время.

— Вантуз, что ли? — оживилась она.

— О, точно, так эта штука называется! — Я тоже обрадовалась, что могу помочь.

В самом деле, все знают, что Генка квартирой совершенно не занимается, и это форменное свинство с его стороны сдавать женщине, как Антонина говорит, некондицию.

— Вы проходите. — Я отступила и тут почувствовала, что полотенце падает, еле успела его подхватить.

Хоть передо мной и женщина, все же неудобно перед незнакомым человеком представлять в голом виде... Где же у меня халат?

Халаты я не люблю, но мама настаивает, чтобы хоть один приличный у меня был в наличии. Кстати, сама мне его и подарила на прошлый Новый год. Но если я буду прохлаждаться, то мне даже кофе выпить не удастся.

Машинально подхватив полотенце, я пошла на кухню, соображая, где может быть вантуз.

Обычно люди хранят такие вещи в кладовке, но у меня, как я уже говорила, вещи перемещаются по квартире самостоятельно.

Я посмотрела в шкафчике под мойкой, там стоял только пакет для мусора, причем давно его нужно было вынести на помойку. Вот почему я все забываю?

Зато нашелся халат. Он висел на спинке стула и нахально блестел пуговицами. Говорила же, что не ношу его, месяц, наверное, не надевала, вот как он на кухне оказался, ног у него нет, только рукава.

Утянув халат в кладовку, я огляделась в поисках вантуза. Дело в том, что у меня в квартире не кла-

довка, а целая гардеробная, такая уж была планировка изначально. Так что когда я делала ремонт, то заказала кучу полок и кронштейнов, и теперь каждая вещь имеет свое место: тут — одежда висит, тут — пылесос стоит, тут — доска гладильная, и так далее.

«А вантуз, очевидно, в коробке со всякими хозяйственными мелочами», — неуверенно подумала я.

И каково же было мое удивление, когда он именно там и оказался! Наверное, не смог самостоятельно выбраться из коробки.

Не подумайте, что я сама такая умная и купила вантуз в хозяйство. Нет, эту штуку мне подарил на работе Димка Петров, для прикола, как сам же и признался. Он собственноручно выкрасил палку вантуза розовой краской, завязал на ней огромный шелковый бант, а на резиновой штуке написал мое имя и фамилию — принадлежит Алине Воробьевой.

Вроде того, как на книге ставят экслибрис. Забыла сказать, что это был подарок на новоселье. То есть сотрудники, конечно, скинулись и подарили мне навороченную кофеварку, а вантуз Димка преподнес от себя лично.

В общем, я натянула халат и вытащила на свет розовое чудо. Девушка терпеливо дожидалась меня у двери, сердечно поблагодарила и ушла, сказав, что вернет как можно скорее.

Тут начала открываться дверь соседей, и я поскорее захлопнула свою — Антонина привяжется с разговорами, а я и так опаздываю. Ей-то спешить

некуда, распихала, небось, своих деток кого в школу, кого в садик, и может передохнуть.

Муж у Тони дальнобойщик, неделями отсутствует, и злые языки во дворе говорят, что он нарочно устроился на такую работу, чтобы поменьше бывать дома и не слышать визга и гвалта.

У них двое мальчишек, десяти и восьми лет, и девочка, которой недавно исполнилось три. Парни жутко хулиганистые, и девчонка вечно ревет. Сама Антонина тоже баба горластая, есть еще собака, которая все время лает, и телевизор орет, не выключаясь, так что мужа Тониного понять можно.

Итак, я поскорее захлопнула дверь и взглянула на часы. Да, про утренний кофе придется забыть. К счастью, фен нашелся в платяном шкафу, я вспомнила, что сушила им юбку после того, как застирала на ней пятно от варенья.

Пятно не отошло, так что все равно пришлось нести юбку в химчистку, там еще ворчали, что нечего заниматься самодеятельностью, нужно обращаться сразу к специалистам, то есть к ним.

Ага, у Софьи Андреевны вся дубленка белесыми пятнами пошла после их химчистки. Ну, этой заразе так и надо...

Когда я, наскоро накрасив глаза и одевшись, выскочила на площадку, то увидела, что возле двери Генкиной квартиры копошится какой-то мужчина. Вот он открыл дверь...

— Простите, — неожиданно для себя спросила я, — вы закончили?

— Что? — Он повернулся и уставился на меня в удивлении.

Ничего такой мужчина, высокий, спортивного вида. Отчего я решила, что спортивного? Да на нем был костюм фирменный спортивный и кроссовки. Бегаёт, значит, по утрам. Это, конечно, похвально. Здоровый образ жизни.

— Так что вы хотели? — спросил он весьма не-любезно.

Скажу сразу, я — девушка привлекательная, это многие признают. Не красавица писаная, но все у меня с внешностью нормально. Поэтому мужчины хамят мне очень редко. И смотрят обычно весьма приветливо. А этот посмотрел не то чтобы с ненавистью, но с досадой и неприязнью — лезут, мол, тут всякие...

Естественно, я обиделась и вместо того, чтобы махнуть рукой и уйти, сказала язвительно:

— Я бы хотела вернуть свой вантуз. Если он вам, конечно, больше не нужен.

Ну что, в самом деле, этот хлыщ бегаёт себе на свежем воздухе, здоровье сохраняет, а жена самостоятельно с засором борется! И даже если она ему не жена, то тем более...

Тут в глазах у него неприязнь уступила место самому настоящему изумлению.

— Какой вантуз? — Он даже попятился, хватаясь за ручку двери. — Вы вообще о чем?

Все ясно, удрал с утра пораньше, знать не знает, что его жена соседей заливает.

— Ваша жена... — начала я.

— Какая жена? — Он повысил голос. — Вы что — издеваетесь? Нет у меня никакой жены! Я один живу!

И столько подлинного чувства было в его голосе, что я поверила. Точно, передо мной женоненавистник. Так что ни жены, ни другой какой женщины с ним рядом нет.

— Простите, — буркнула я, — я ошиблась, думала, она в этой квартире живет...

Он не сказал, что ничего страшного, не спросил, в чем суть, только отвернувшись, буркнул что-то вроде «дура». Да сам такой! Что он о себе воображает?

Сев в машину, я велела себе успокоиться, потому что за рулем нужно быть предельно внимательной, чтобы не попасть в аварию. Это мама твердит мне бесконечно, хотя сама авто не водит.

Но, однако, неудобно получилось. Вот с чего я взяла, что та девица снимает квартиру Геннадия? Она ведь ничего конкретного мне не сказала, только головой мотнула в ту сторону. Но, опять же, в дверь она постучала, вот я и подумала, что она с нашей площадки. Да, странно...

А Генка, значит, этому мужику квартиру сдал. Неприятный какой тип...

Тут мне засигналил какой-то нервный водитель, и я сосредоточилась на дороге.

В офис я, разумеется, опоздала, так что готовилась уже смиренно принять нагоняй от начальника, но его, к счастью, вызвали куда-то с утра, поэтому у нас царили тишина и покой. И я даже выпросила у секретарши Милки чашку кофе.

— Варю как начальнику! — приговаривала она. — Помни мою доброту!

Кстати, кофе Милка варит плохо, непонятно за что ее наш шеф вообще на работе держит.

Возвращаясь с работы, я встретила во дворе Антонину. Ну правильно, где ей еще и быть-то. Витя, муж ее, как всегда в рейсе, ей неохота домой идти, там дети всю квартиру вверх дном перевернут, так уж пускай во дворе хулиганят.

— Слышь, Алинка, — обрадованно сообщила она, едва увидев меня, — у Генки новый жилец.

— Тоже мне, новость, — отмахнулась я, — видела его утром.

— Познакомились? — оживилась Антонина.

— Да нет, так, парой слов перебросились...

— Ты присмотришься к нему, вроде мужик приличный. Аккуратный, спортивный. Опять же, кто квартиру снимает на недолгое время? Генка ведь надолго никогда не сдает, сама знаешь, поругается с очередной женой своей, да и вернется сюда. Так что этот, небось, сейчас находится в стадии развода. И как только они с квартирой разберутся — так бери его сразу тепленьким.

— Почему сразу? — поддразнила я. — Пускай человек малость передохнет от семейной жизни.

— Только сразу! — ответила она твердо. — Пока он вкус свободы не почувствовал и не понял, как ему хорошо одному жить. Потом уже поздно будет.

Да, соседка моя Антонина, конечно, баба простая и умом особым не блещет, однако пожитейски соображает. И у нее один пунктик: хочет меня замуж выдать. Но в данном случае все ее умозаключения неверны, поскольку новый сосед явно женоненавистник. Мне он тоже не понравился, но Антонине я про утренний эпизод рассказы-

вать не стала, а то и домой не попадешь, замучает разговорами.

Однако в квартире я задумалась, кто же такая была эта девица, которая явилась утром. И где ее теперь искать. Не то чтобы мне нужен был вантуз, просто странно все как-то...

Размышляя так, я поставила на плиту кастрюлю с водой, чтобы отварить пельмени. Не подумайте, что я питаюсь магазинными пельменями каждый день, просто замороженные пельмени прислала мама. Она любит готовить, и налепит столько, что в морозилку не помещаются, и раздаст потом знакомым и родственникам.

Это я, конечно, преувеличиваю, но мама вбила себе в голову, что если меня не кормить, то я вообще о еде забуду. Или стану питаться гамбургерами. Это утром, когда торопишься, калорийная еда в горло не полезет, и днем некогда расслаживаться, съесть что-то быстро, да и бежать обратно на работу. А вечером, считает мама, человек должен есть вкусную домашнюю пищу. Причем не спеша и не отвлекаясь. Тогда со здоровьем все будет в порядке.

Тут, кстати, замечу, что мама весит без малого девяносто килограммов, но ни капельки по этому поводу не расстраивается.

«Зато морщин не видно», — утверждает она.

И правда, у нее прекрасный цвет лица, и морщин почти нет, и волосы гораздо лучше, чем у меня.

В общем, вода закипела, и я бросила в нее пельмени. А сама тем временем пошла в прихожую, потому что забыла в сумке купленную по дороге сметану.

И тут в мою дверь снова постучали.

Ну, кого там еще черти принесли?

Вспомнив утреннюю историю с неизвестной девицей, я не открыла сразу дверь, а выглянула в глазок.

И что вы думаете?

Перед дверью стояла она, та самая девица, которая утром позаимствовала у меня вантуз, а потом пропала.

Конечно, дверной глазок ее здорово изменил, растянул рот, как у лягушки, и уменьшил глаза, но узнать можно. Девица вроде как улыбалась, а в руках у нее была большая, яркая коробка конфет.

Видимо, принесла ее в качестве извинения. Ну ладно, конфеты так конфеты...

Я открыла дверь. Вот сейчас и узнаю, из какой она квартиры. И если она не с нашей площадки, то как, черт возьми, она открывает ту, первую дверь?

Девица действительно улыбалась виноватой, извиняющейся улыбкой. И конфеты в руках — большая коробка с каким-то средневековым замком на крышке.

— Простите, что задержала, — проговорила она смущенно.

— Да ладно, ничего страшного...

— Вот, конфет коробку принесла... вроде хорошие... к чаю...

— Да не стоило... — я машинально отступила внутрь квартиры.

И остановилась, потому что заметила странную вещь — коробка-то у нее была, а как раз вантуза не было.

— Засор-то удалось прочистить? — спросила я.

— Да, все в порядке.

Я хотела спросить, где же тогда вантуз, но не успела.

Девушка протянула мне коробку — и вдруг у нее в руке мелькнуло что-то небольшое, блестящее, и у меня в глазах потемнело, и больше я ничего не помню.

Я пришла в себя от холода и еще от того, что кто-то сильно хлопал меня по щекам.

Открыв глаза, осознала, что холодно мне от того, что я лежу на полу перед открытой дверью, а надо мной склонился незнакомый молодой мужчина, и собирается снова ударить меня по щеке.

— Не надо... — пролепетала я, отстранившись. — Больно...

Говорить было трудно, такое чувство, что в горле поселился больной еж. Больной, потому что вкус во рту был отвратительный.

— Вы как — в порядке? — проговорил мужчина озабоченно.

— А вы кто? — ответила я вопросом на вопрос и тут же узнала его — это был тот самый человек, который поселился в квартире Геннадия.

Я же его видела утром, только тогда он был в спортивном костюме, а сейчас — в куртке, и костюм под этой курткой тоже имелся приличный, даже галстук выглядывал.

— Сосед ваш, — ответил он. — Вернулся, вошел в общий тамбур — и тут смотрю, ваша дверь откры-